

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ**

О вычитывании молитв и формальной исповеди

Конечно, все начинается с молитвенного правила – оно учит определенной дисциплине. Но молитва не может всю жизнь упираться в исполнение только одного, единожды раз и навсегда выбранного правила и никаким образом не меняться.

Молитва связана с жизнью. А жизнь – она разная, все время течет в разных измерениях и требует от тебя то крайнего напряжения, то обостренного внимания, то, в какие-то минуты, даже расслабления и отдыха. Потому наше молитвенное правило не может быть застывшим.

Молитвенное правило для человека, а не человек для молитвенного правила. Молитвенное правило не должно стать препятствием в духовной жизни человека.

Но, к сожалению, так часто сейчас и происходит. Потому что человеку порой молитвенное правило навязывают, он его даже не выбирает, а просто сталкивается с ним, открывая в молитвослове напечатанное именно таким образом и никаким другим.

Есть конкретное утреннее правило, конкретное вечернее, конкретные три канона, которые человек читает перед причастием, есть молитвы определенные, молитвы перед причастием. То есть выбора вообще никакого нет. И ты – хочешь – не хочешь, нравится – не нравится, понимаешь – не понимаешь, в состоянии – не в состоянии, – оказываешься заключенным в жесткие рамки. Поэтому в правиле нет твоей свободы.

Молитвенное правило принесет пользу, ес-

ли оно, во-первых, выбрано по силам человека. То есть у ребенка и взрослого должно быть разное молитвенное правило; оно может не совпадать у мужчины и женщины; оно будет особым у человека, который очень загружен работой. Во время поста – еще одно молитвенное правило.

Разные обстоятельства жизни предполагают, что силы у человека могут быть разными. Так что и правило должно соответствовать этим обстоятельствам.

Неважно, какое количество молитв в это правило входит. Неважно, какие конкретно ты читаешь молитвы во время своей утренней и вечерней молитвы. Важно то, что ты действительно утром и вечером напрягаешь свою волю, ум, сердце. Напрягаешь для того, чтобы начать разговор с Богом.

Научиться разговаривать

Вот этот разговор с Богом для человека всегда является проблемой, потому что научиться говорить человеку с Богом очень нелегко. Мы – люди, и друг с другом учимся разговаривать для того, чтобы понять, услышать друг друга. Поэтому мы по-разному говорим с разными людьми: определенным образом – с детьми, подчиненными, начальством, друзьями и так далее. У нас для каждого человека свой собственный язык, своя собственная интонация, мы даже выбираем определенные слова для того, чтобы говорить с разными людьми.

В этом смысле, конечно, разговор человека – грешного и ограниченного, немощного и мно-

го чего не знающего и не понимающего, но стремящегося к Богу с Самим Богом: недоступным, невидимым, непостижимым, – вещь крайне непростая. Если человек об этом не задумывается, а просто уверен: «Вот я взял в руки молитвослов, сейчас прочту утренние и вечерние молитвы, и все хорошо», – это, я бы сказал, даже опасно.

Потому что молитвенное правило, прежде всего, учит настраивать свое сердце для того, чтобы человек правильно смог поговорить с Богом, смог к Богу как-то себя донести, чтобы человек мог быть Богом понят, услышан. А Сам Бог мог быть услышан и понят человеком. Именно поэтому молитвенное правило можно назвать камертоном.

Человек очень похож на некий музыкальный инструмент. Важное внутреннее, что в нем есть, должно звучать чисто, не фальшивить. Когда мы повторяем молитвенное правило, мы через него учимся молиться, оно приводит нас к чистому звучанию нашего сердца, наших мыслей, наших чувств, нашего ума по отношению к Богу. Это первое задание молитвенного правила, через которое человек учится молиться.

Если правило выбрано – или даже не выбрано, а просто воспринято без всякого рассуждения, автоматически, не понято, не разобрано, не воспринято, в этом правиле у человека даже нет любимой молитвы, а просто есть все молитвы, которые надо прочитать, не очень понимая, о чем я в этих молитвах к Богу обращаюсь, то, конечно, со временем оно станет обузой, кандалами. Человек может вообще перестать молиться.

Это как раз знак того, что он просто изначально неправильно отнесся к правилу. К сожалению, очень часто слышу от священников жесткое вопрошание: «А вы правило вычитали? А вы все правило почитали? А вы утренние, вечерние молитвы читаете полностью?» Такое законническое отношение никак не может человеку помочь в его духовном росте.

Когда мы говорим о молитвенном правиле, мы помним, что оно должно быть выбрано самим человеком, возможно, вместе с духовником. Молитвенное правило не должно быть над тобой, выше тебя. Оно дано тебе как помощь, а не ты его раб, и не ты ему служишь, и не ты ради молитвенного правила утром встаешь, а вечером ложишься спать. Оно должно быть посильным и очень хорошо понято то-

бой.

Если у человека сейчас есть проблема с молитвенным правилом, он «вычитывает» его, пусть он еще раз посмотрит на эти молитвы, отбросит все, что в этих молитвах не понятно, и оставит то, что его вдохновляет. Через это он сможет найти самого себя в этих молитвах, на самом деле очень глубоких и замечательных. Тогда это молитвенное правило поможет ему снова начать свой путь к Богу.

Про свободу

Второй момент: молитвенное правило по отношению к внутренней молитве – воспитательный путь. Молитвенное правило учит человека прибавлять к молитве определенное движение своей собственной души. То есть дает возможность научиться говорить с Богом своими словами. Здесь я вспомню слова святителя XIX века Феофана Затворника, который говорит о том, что молиться только лишь по молитвослову похоже на то, как говорить с Богом через разговорник, как на иностранном языке.

Неужели у каждого из нас нет в сердце своих слов к Богу? Неужели у каждого из нас до сих пор не родилось ни одного глубинного переживания, когда мы можем Богу от сердца правильно, радостно, своими словами, что-то говорить, хвалить Его, благодарить Его, каяться Ему, просить Его? Ведь молитва, прежде всего, свободна. И там, где в молитве нет свободы, самой молитвы тоже быть не может.

Поэтому здесь человек становится в каком-то смысле поэтом, творцом молитвы, потому что всякая молитва сродни поэзии. И в этом смысле человек, который говорит с Богом, становится похожим на Бога, Творца. Бог говорит с нами на языке поэзии, а все Священное Писание – это поэзия. И пророки говорят на языке поэзии, и великие святые.

Человек должен уметь быть поэтом, быть свободным. Я не имею в виду, что он должен быть графоманом и сочинять для Бога какие-то молитвы. Нет. Но я говорю о том, что когда человек свободно молится, он так или иначе получает от этого поэтический дар, реализует в себе поэтический дар. Если у человека нет в молитве свободы, значит, он чего-то о Боге не знает, значит, он с Богом еще в своей жизни не соприкоснулся. Потому, что настоящий опыт соприкосновения с Богом человек получает через искреннюю настоящую молитву.

Мы можем позволить себе молиться ис-

кренне, глубоко лишь в минуту глубочайших переживаний. Но это же неправильно! Человек должен говорить с Богом ежедневно.

Мы все боимся выйти из общего строя, а потому стремимся стать одинаковыми. Мы не должны двигаться ни вправо, ни влево, нам нужно оставаться в какой-то серенькой серединке. Потому что боимся впасть в прелесть. Но прелесть связана не со свободой, а с гордыней.

Да, святитель Игнатий в своем учении о молитвенном правиле говорит о том, что не нужно сочинять молитвы Богу. Действительно, не нужно. А вот выражать себя языком своей собственной жизни, языком своего собственного богопознания человек должен.

Про Иисусову молитву

Нужно учиться молиться Иисусовой молитвой. Не надо бояться ее, страшиться того, что человек, если у него нет духовного руководителя, обязательно должен сойти с ума. Это неправда. Она даже дается в правиле для неграмотных.

Можно, например, любому человеку читать утренние и вечерние молитвы, а можно вместо утренних и вечерних молитв прочитать, предположим, пятьдесят Иисусовых молитв.

Я из собственного опыта знаю, что иногда, в минуту усталости, в минуту какого-то внутреннего опустошения, ты не можешь взять в руки Молитвослов и читать знакомые тебе молитвы. Тогда ты берешь в руки четки и не спеша, не очень много, произносишь Сладчайшее Имя Иисусово и говоришь: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Неужели это не молитва?! Святитель Игнатий (Брянчанинов) советует обращать большее внимание в Иисусовой молитве на слова «помилуй мя, грешного», говорить их с особым усилием.

Но все-таки здесь главное – имя Самого Иисуса. Поэтому, когда человек в молитве Иисусовой особое сердечное внимание обращает на Имя Христа, поверьте мне, его сердце оживает.

Так что иногда полезно вообще сменить молитвенное правило на Иисусову молитву.

Можно поменять утренние и вечерние молитвы на чтение псалмов. Можно поменять ту или другую молитву на чтение других молитв. То есть у человека есть свобода выбирать себе молитвенное правило в разных обстоятельствах жизни так, как он хочет, молиться так, как ему сейчас нравится. Главное – мо-

литься. И вот когда человек это понимает, тогда он начинает любить молитвы, тогда он начинает хотеть молиться, тогда его душа как бы просит молитвы. Все становится на свои места.

Оказывается, из этого строя можно спокойно выходить. Можно, наконец, понять, что нам, христианам, дана свобода. Эту свободу мы должны иметь и хотеть ее реализовывать. И тут, конечно, очень много зависит от священства, которое должно тоже полюбить эту свободу, не бояться ее и уметь эту свободу радостно даровать своим прихожанам.

Про исповедь

Если человек чувствует, что вновь принесет на исповедь очередной привычный список грехов, не испытывая при этом никакого внутреннего переживания, то, наверное, надо сделать какую-то паузу, прийти в себя, выйти из этого порочного круга фальши и формализма.

Слава Богу, здесь что-то сдвинулось с места. Принят даже целый документ «Об участии верных в Евхаристии», где строгость и формализация исповеди, как обязанность каждого исповедоваться перед каждой Евхаристией, все-таки снята. Это дает возможность людям выдохнуть, уйти от боязливости. Потому что, в общем-то, люди напуганы.

Из-за чего все происходит? Наша беда – величайшее недоверие к человеку, когда каждого человека ты потенциально подозреваешь, что он грешник, что он не постится, не готовится к причастию, не исповедует свои грехи, что он вообще не такой и его обязательно надо все время проверять. Он же обязательно должен находиться под чувством особой вины.

Не дочитал чего-то? Все, он уже крайний преступник. Чего-то не доисповедовал, не дописал какой-то грешочек в своем списке? Все, он уже в суд и осуждение причастился. Это же беда.

Многие вещи, которые происходят в нашей церковной жизни – оскудение веры в человеке, выгорание – связаны во многом с таким отношением к человеку, когда человек изначально мыслится как негодяй, которого все время надо контролировать. И вот этим контролем занимается священник. Человек постоянно находится под пронзительным взглядом: «А ты дочитал? Ты был на всенощной? Не пропустил среду и пятницу?»

И человек начинает метаться как загнанная

белка в колесе среди этих «ах, не успел, ах, не дочитал, ах, не досмотрел». Ему главное – дочитать, дописать, сделать все, чтобы формально к нему не было никаких придировок. Тогда он успокоится, что все долги у него закрыты. Тогда он может спокойно думать: «Вот теперь я ни в чем не виноват и могу теперь «не в суд и не в осуждение»».

Каждый человек каждый день в своей жизни борется и обязан бороться со своими помыслами, со своим характером, со своими недостатками. Невозможно каждый день это исповедовать. Вопрос в том, какие плоды твоя личная, ежедневная борьба приносит. Это рассуждение ты можешь нести на исповедь в качестве вопроса своему духовнику, в качестве просьбы о себе помолиться, в качестве своего сокрушения сердечного, но никак не в качестве списка, с которым ты приходишь, как с пропуском для причастия.

Ничего не происходит? И хорошо

Почему человека пугает, что в его жизни ничего такого, чтобы нести на исповедь не происходит, а все – лишь повседневная борьба? Слава Богу, что у него ничего не происходит. Значит он более-менее правильно, нормально живет. А почему должно что-то происходить? Каждые три недели человек должен кого-то убить или воровать что-то? Что, не может православный христианин три недели пожить, как нормальный человек?

На исповедь стоит идти, если чувствуешь, что действительно надо. Я могу исповедоваться каждую неделю, когда чувствую, что мне необходимо, а могу не исповедоваться два месяца. И никто меня не контролирует. Существует, конечно, определенный контроль в епархии – мы, священники, один-два раза в год обязаны приходить на исповедь к нашему епархиальному духовнику. Но не более того.

А чем, собственно говоря, жизнь всех нас, христиан, друг от друга сильно отличается? Мы все люди, сделаны из одного материала. Наоборот, на священнике ответственность огромная. Его наоборот, казалось бы, надо заставить исповедоваться каждую неделю. А вот нет. Священники – свободные граждане, свободные чада Церкви.

Мне кажется, не может быть в Церкви специального отношения к священникам и специального отношения к мирянам ни в качестве исповеди, ни в качестве молитвенного правила. Только пост, наверное, священники

должны соблюдать строже, молиться должны больше.

Без всякого сомнения, человек может не стремиться на исповедь и из-за духовной лени. Все невозможно поставить под трафарет, это же жизнь. И каждый человек отвечает за свою жизнь сам. Каждый человек в состоянии на самого себя правильно и трезво смотреть. Если все-таки самому человеку сложно разобраться, он должен искать умного духовника, священника, способного этого человека понять, помочь определить меру его молитвы и меру его поста, частоту его исповеди...

Начать сначала

По поводу постов все то же самое: мера, свобода и личное ревнование о Боге. Человек должен быть ревностным, как настоящий христианин. Ему всегда должно хотеться чего-то больше, чем у него есть. Молиться лучше, чем он молится, поститься лучше, чем он постится, каяться лучше, чем он кается.

Ревность не дается как нечто готовое, что можно скопировать, наоборот, она взращивается. Она является божественной педагогикой, церковной педагогикой, когда идешь от простого к сложному, от малого к большому, от общедоступного до вещей, которые нужны конкретному человеку.

Если человек, который давно в Церкви, вдруг очнулся и увидел, что вся его вера, вся церковная жизнь – лишь хождение по годовому кругу, в ней нет главного, нет Христа, значит, надо все начинать сначала. Все начинается с Евангелия, а не с правил и постов. В этот момент, когда случается такая беда, когда человек не может ни молиться, ни поститься, не хочет исповедоваться, ему надо сделать только это – открыть Евангелие и начать читать его. Он может больше ничего не делать. Он может вообще забыть про молитвенное правило. Важно снова найти эту радостную точку встречи с Богом.

И вот тогда, когда ты ее нашел, когда через Евангелие оживил свое бытие, оживил свою память встречи со Христом, можно начинать все сначала. Можно опять по чуть-чуть начинать утром и вечером молиться, но уже по силам и с радостью. Так же по силам и с радостью поститься. Так же потихонечку начать исповедоваться и причащаться. Но радостно и свободно.

Протоиерей Алексей Уминский